

Однако стометровка была и важным видом для спортсменов — простым в организации и с высоким коэффициентом. Поэтому многие спортсмены тоже записывались на неё.

Как, например, Сунь Юйсян. Или как Хань Юй из Первого класса, бежавший с ним в одном забеге.

Их дорожки были соседними: Сунь Юйсян на третьей, Хань Юй на четвёртой.

Столкнувшись, они вполне дружелюбно хлопнули друг друга по ладони, но во взглядах читался немой вызов, и между ними почти проскакивали искры: «Гляди, я буду первым!»

«Что? Это ещё как посмотреть! Поживём — увидим!»

Е Цзинмо, стоя у финиша и заметив Хань Юя, скользнул взглядом по округе. Увидев лишь подходившего с бутылкой воды Линь Линя, он не смог скрыть лёгкого разочарования.

«Линь Линь! Иди к нам!» — окликнул его Цинь Но, помахав рукой.

Линь Линь, глаза его блестели, слегка прибавил шагу: «Привет!»

«Ты один? А председателя студенческого совета не видно?» — спросил У Фань, озвучив вопрос, который интересовал и Е Цзинмо.

«Он же председатель! У него совещания: и в радиостанции, и в молодёжном комитете!»

«А, понятно! Наверное, очень занят!»

Да, почему у студенческого совета столько дел? Почему всё валится на председателя?

Е Цзинмо нахмурился, размышляя об этом.

Но прежде чем он успел погрузиться в думы, участники забега Сунь Юйсяна уже заняли низкий старт.

Как только они замерли в готовности, судья нажал на спуск стартового пистолета.

С резким хлопком пять учеников рванули с места, и воздух взорвался оглушительными криками поддержки.

В этом забеге только Сунь Юйсян и Хань Юй были спортсменами. Разница между ними и обычными учениками была разительной: не пройдя и половины дистанции, они уже оторвались от остальных минимум на три-четыре метра.

Между самими Сунь Юйсяном и Хань Юем разрыв был крошечным, они бежали практически голова в голову, и всё внимание было приковано именно к ним.

Вдоль дорожки собралось немало учеников из Девятого и Первого классов. Увидев это, они не сводили с двоих глаз, надрывая глотки, выкрикивая их имена.

Е Цзинмо и его друзья, хоть и не кричали, тоже напряжённо следили за бегунами, мысленно подбадривая Сунь Юйсяна.

Сам же Сунь Юйсян и Хань Юй не видели ничего, кроме финишной ленточки впереди. Они хорошо знали силы друг друга, и оба рвались принести очки своему классу. Никто из них не

позволял себе ни капли расслабиться. Они отчаянно работали руками, выжимали максимум из ног, с искажёнными от усилия лицами мчались к финишу.

Примерно через десять секунд они почти одновременно врезались в финишную ленту. Но те, кто стоял прямо за финишной чертой или чуть позади, отчётливо видели: Сунь Юйсян коснулся ленты чуть-чуть, на сантиметр, раньше. Победа была за ним, и победа крайне узкая.

На финише они остановились, упёршись руками в бока, и отдышались. Уже через несколько секунд дыхание более-менее восстановилось. Они переглянулись, усмехнулись и снова хлопнули по ладоням.

«Видал? Я быстрее!»

«Пфф! Победа на волоске! Я просто плохо стартанул, не смог раскрыться! Не обольщайся! В финале будет другой разговор!»

«Оправдывайся! Жди! В финале твой Сян-гэ тоже тебя сделает!»

Цинь Но и Линь Линь протянули им бутылки с водой. Парни взяли воду и остались у дорожки, наблюдая за следующими забегами на сто метров.

В последующих забегах спортсменов было мало, и время победителей оказывалось значительно хуже, чем у Сунь Юйсяна и Хань Юя.

Сунь Юйсян, естественно, вышел в финал. Хань Юй, хоть и был вторым в своём забеге, показал бы лучшее время в большинстве других групп, так что его место в финале тоже не вызывало сомнений.

Когда отбежал и второй участник от Девятого класса, Е Цзинмо с друзьями попрощались с Хань Юем и его компанией и вернулись на свой командный пункт.

На пункте было всего четверо: староста по китайскому языку Хуан Иньмань, Хань Жуюэ и ещё двое учеников, парень и девушка, члены группы по связям с общественностью. Все, кроме Хань Жуюэ, корпели над болельщицкими открытками.

Хань Жуюэ как раз мелом выводила на маленькой доске расписание соревнований и списки участников.

Увидев, что подходят Е Цзинмо и остальные, она подпрыгнула к самому Е Цзинмо и, тряся в руках листок с расписанием, спросила с неподдельным волнением и любопытством: «Е Цзинмо, ты что, выступаешь в соревнованиях по аэробике?»

Соревнования по спортивной аэробике были нововведением спортивного комитета на этой спартакиаде. Основной контингент, конечно, составляли девушки, но если находились желающие среди парней — их тоже принимали с радостью!

«Аэробика??» — на лице Е Цзинмо отразилось полное недоумение.

Хань Жуюэ снова сунула ему под нос своё расписание. Е Цзинмо взял листок и начал листать.

Он доверил запись в виды спорта Сунь Юйсяну, а потом даже не поинтересовался, в какие именно. Полагал, что Сунь Юйсян выберет что-нибудь нормальное: бег, прыжки в высоту или длину, что-то в этом роде.

Когда же он, пролистав список, увидел, на что его записал Сунь Юйсян, на его лице расплылась улыбка. Он подозвал виновника, свернул листок в трубочку и треснул им Сунь Юйсяна по макушке:

«Товарищ Сунь! У тебя в голове опилки, что ли?»

«Ты только посмотри, что ты мне назаписывал! Толкание ядра — ладно, опустим, видимо, в твоих глазах я дюжий детина. Но аэробика, блин? Ты серьёзно?»

«У меня что, грудь пышная или задница аппетитная? Ты правда считаешь, что я могу соревноваться с толпой девчонок в аэробике??»

Е Цзинмо почувствовал, что у него вот-вот случится инфаркт. Он готов был и плакать, и смеяться одновременно. Сунь Юйсян, должно быть, был не от мира сего!

Услышав гневный вопль Е Цзинмо, У Фань и остальные чуть не покатались со смеху.

«Божечки! Сунь, ты ему аэробика записал? О чём ты думал?!» — ахнул У Фань.

«Ха-ха-ха-ха-ха! Товарищ Сунь! Bravo! Это сильно! Очень сильный ход!» — не сдержался Шэнь Цзюньян.

«Школьный хулиган в аэробике! Пфффф! Ха-ха-ха-ха! Я не могу, щас умру!»

Цинь Но задыхался от смеха. В его воображении уже возникла картина: Е Цзинмо в купальнике для художественной гимнастики, с каменным лицом, с предметом в руках, неловко выгибающийся и вертящий бёдрами.

Хань Жуюэ тоже изо всех сил старалась не рассмеяться, отчего её лицо побагровело. Даже трое пишущих на пункте опустили головы, но их плечи предательски дёргались от сдерживаемого хохота.

Все веселились. И только Е Цзинмо кипел от ярости, а Сунь Юйсян пребывал в прострации.

У того ёкнуло сердце. Он выхватил расписание и, обнаружив, что действительно вписал Е Цзинмо в аэробика, почувствовал, как земля уходит из-под ног. Похоже, к этому времени в следующем году на его могилке уже будет трава по пояс.

Он робко поднял глаза и встретил взгляд Е Цзинмо, ясно говоривший: «Я тебя прибью». Сглотнув, он прошептал: «Е Цзинмо, прости! Выслушай, я объясню! Я правда не специально!»

«Тогда почти все места уже были разобраны, оставалось всего три вида, и я, не глядя, вписал тебя во все! Я не заметил, что один из них — аэробика!»

«Е Цзинмо, Е Цзинмо! Прости меня, прости!» — мольба и раскаяние в голосе Сунь Юйсяна были стопроцентно искренними.

Помолчав с полминуты, Е Цзинмо вздохнул: «Заявки уже поданы. Отказ от участия означает штрафные очки для класса. И что ты предлагаешь?»

Услышав это, Сунь Юйсян мгновенно ожил: «Ничего! Я гарантирую, что займу призовые места в своих видах! Отработаю штрафные очки!»

Е Цзинмо промолчал. На его лице всё так же играла улыбка, но выглядела она теперь

зловеще.

Сунь Юйсян вздрогнул, и его мозг заработал на предельной скорости: «Ой, точно! Ещё же можно баллы за болельщицкие открытки получить! Я буду писать открытки! По три штуки в день! Гарантирую, отработаю все штрафные очки!»

Только после этого Е Цзинмо кивнул, прекращая допрос. Сердце Сунь Юйсяна, колотившееся как бешеное, наконец вернулось на место.

Он облегчённо выдохнул и, заметив, что до следующих соревнований в десять утра ещё есть время, раздобыл блокнот для черновиков и ручку. Склонив голову набок, он принялся выводить первые строки.

Изначально Сунь Юйсян записал Е Цзинмо на толкание ядра, бег на 1500 метров, прыжки в высоту и аэробику.

На аэробику тот, ясное дело, не пойдёт. Толкание ядра и бег на 1500 метров были назначены на послеобеденное время. В голове у Сунь Юйсяна щёлкнуло: а что если написать все три открытки в поддержку Е Цзинмо? Сдать их утром, а когда днём Е Цзинмо будет бежать, их зачитают по школьному радио. Какой прекрасный жест поддержки! Какая мотивация! Тогда уж Е Цзинмо точно на него не обидится!

Решив так, Сунь Юйсян с довольным видом принялся за дело. Поломав голову и изрядно помучившись, он наконец выдавил из себя три открытки, каждая длиной больше трёхсот иероглифов.

Две из них представляли собой бессвязный, безудержный поток восхвалений в адрес Е Цзинмо. И лишь третью, после консультации со старостой по китайскому Хуан Иньмань, удалось вытянуть на более-менее приемлемый уровень.

Она была сносной: с элементами описания обстановки и персонажей, в целом неплохой. Если не считать последних строчек:

«Брат Е, ты просто супер! Брат Е, я тебя люблю!»

«Брат Е, беги вперёд! Любовь к Брату Е — навеки с тобой!»

<http://bllate.org/book/16285/1467204>